НЕ ПОЛОЖИВЪ, НЕ ИЩИ.

Приснилось мужику, что въ лѣсу, который называется у насъ заповѣдная кнея, лежитъ кладъ. Не даетъ онъ нашему мужику ни спать, ни ѣсть, отбилъ ото сна, отъ ѣды, — хоть что хочешь дѣлай, а надо искать кладъ. А какъ его искать? Гдѣ искать? Лѣсъ великъ; да опять же, думаетъ про себя мужикъ, слышалъ я отъ стариковъ, что спроста кладъ не дается, а надо за него взяться умѣючи. Дай пойду, говоритъ, къ нашему кузнецу, онъ все знаетъ, и нашептываетъ и на бобы слизываетъ — авось приставитъ голову къ плечамъ, научитъ какъ быть. — Кузнецъ нашъ и точно научилъ; онъ за словомъ въ карманъ не полезетъ и знаетъ все. «Тебѣ,» говоритъ, «надо идти ночью на Ивановъ день въ лѣсъ; либо добудешь тамъ разрывъ–траву, когда папоротникъ разцвѣтетъ передъ разсвѣтомъ, либо самъ

придетъ къ тебѣ кладъ, какъ онъ уже приходилъ къ тебѣ во снѣ. Ты сядь подъ деревомъ, не дремли, не шевелись, сиди смирно: придетъ къ тебѣ кладъ, либо лѣшимъ какимъ, либо человѣкомъ, не то волкомъ, и прямо пойдетъ на тебя; ты все сиди, а какъ подойдетъ близко, ты не трусь, ничего не будетъ худаго, коли не струсишь, а ударь его въ рожу на отмашь, да примолви: «аминь, аминь, разсыпься» — онъ тутъ передъ тобой и разсыплется, и загребай. — Ну а мнѣ что же будетъ? гляди, все пополамъ. — Все пополамъ, — сказалъ мужикъ, и перекрестился, снявъ шляпу, что все пополамъ.

Пришелъ Ивановъ день. Кузнецъ научаетъ и наставляетъ мужика, повторяя опять, что «кто бы ни подошелъ, ничѣмъ не смущайся, а ударь во все плечо на отмашь и вели ему разсыпаться.» Мужикъ пошелъ, просидѣлъ до самаго разсвѣта — нѣтъ никого и кладъ не дается и разрывъ–трава не цвѣтетъ. Всталъ мужикъ, хочетъ ужъ идти домой — глядь, идетъ кто–то, словно лѣшій, прямо на него. Собрался съ духомъ

мужикъ, подпустилъ его, да какъ хватитъ, а тотъ на него какъ вскинется: «что ты съ просонья одурѣлъ, что ли, аль не видишь? я провѣдать тебя пришелъ»... А это кузнецъ нашъ, проснувшись до свѣта, подумалъ, дай провѣдаю, не дался ли мужику кладъ, такъ чтобы не обманулъ, а подѣлился; пошелъ, да и съѣлъ такого треуха на отмашь, что насилу шею опять выправилъ, да мужика за космы; тотъ отбиваться отъ него, «ты самъ,» говоритъ, «велѣлъ на отмашь ударить, кто ни подойдетъ, я думалъ лѣшій, что ли...»

И мужики наши подрались ни свѣтъ, ни заря, клада не нашли, а пришли домой съ подбитыми глазами.